

Научная статья

УДК 81.42

DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-30-46

**Текст-паутина философской сказки
Ф. Искандера «Кролики и удавы»:
языковые средства и интенции автора**

Татьяна Александровна Трипольская

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

tatianatripolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0820-0325>

Аннотация

Рассматривается особый авторский прием создания текста-паутины, который максимально отражает замысел представить модель «агрессивного и инертного мира, выход из которого практически невозможен». Особой чертой языковой организации текста Ф. Искандера представляется кажущаяся лексическая и синтаксическая избыточность, изобилие повторов разных типов, которые как будто тормозят повествование и сообщают тексту особый однообразно неспешный ритм.

Повторы выполняют следующие тестовые функции: выделение ключевых слов, которые репрезентируют основные составляющие художественной картины мира автора; формирование смысловых сгущений; создание и актуализация ложных антитез, а также особый способ формирования аксиологического контекста (с помощью косвенных оценок).

Ключевые слова

текст-паутина, Ф. Искандер, авторские приемы, функции языковых повторов, смысловые сгущения в тексте, семантическое согласование

Для цитирования

Трипольская Т. А. Текст-паутина философской сказки Ф. Искандера «Кролики и удавы»: языковые средства и интенции автора // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 30–46. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-30-46

© Трипольская Т. А., 2024

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 30–46

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2024, no. 2, pp. 30–46

The Textual Cobweb of F. Iskander’s Philosophical Tale “Rabbits and Boas”: Linguistic Means and Author’s Intentions

Tatiana A. Tripolskaya

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

tatianatripolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0820-0325>

Abstract

The article examines the author’s particular technique of creating a textual network that would maximally reflect the intention of presenting the model of “an aggressive and inert world from which it is practically impossible to escape”. A peculiarity of the linguistic organization of F. Iskander’s text is the apparent lexical and syntactic redundancy, the abundance of repetitions of various kinds, which seem to slow down the narrative, give the text a particular monotonous and leisurely rhythm, a kind of going round in circles, but the attempt to reduce the text fragment even slightly inevitably leads to a significant loss of meaning

In addition to organizing the integrity and coherence of the text, repetitions perform the following text functions: highlighting the key words that represent the main components of the author’s artistic image of the world (the key lexemes of the text acquire new meanings in multiple repetitions); forming semantic densifications that do not represent the density of events, but only the density of the text; creating and updating false antitheses, including multiple instances of introducing modus indicators (on the one hand / on the other hand, etc.), as well as a special kind of form. The real absence of opposing positions, the meaninglessness of seemingly differently directed actions, the absence of any internal movement make the text practically hermetically closed.

Keywords

text-web, F. Iskander, author’s techniques, functions of linguistic repetitions, semantic condensations in the text, semantic coordination

For citation

Tripolskaya T. A. The Textual Cobweb of F. Iskander’s Philosophical Tale “Rabbits and Boas”: Linguistic Means and Author’s Intentions. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2024, no. 2, pp. 30–46. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-30-46

Обычно заглавное слово, как магнит, собирает в себя все его значения. Оно не только вмещает и объединяет их, оно еще и намекает, вызывает ассоциации, создает смысловое поле текста [Арнольд, 1984, с. 7]. Такое понимание позволяет говорить о состоятельности данного ключевого слова как репрезентанта базового концепта произведения. Однако название произведения «Кролики и удавы», обещающее историю о жертвах и палачах, оказывается ложной антитезой: поступки удавов, подданных Великого Питона, продиктованы простейшими чувствами голода и страха, а кролики стоят на более высокой ступени самосознания – помимо страха перед удавами и желания вдоволь наестся хотя бы обычной капусты, кролики представлены в их вполне узнаваемых агрессивных общественных действиях [Выгон, 2012, с. 77]. Таким образом, «Кролики и удавы» – это остроумная повесть-притча (или философская сказка) о том, что удавы едят только тех кроликов, которые согласны быть съеденными.

Если говорить о научном контексте изучения философской сказки, стоит отметить следующие исследовательские векторы: изучаются неомифологические основы повести; сущность различных типов тоталитарного сознания; жанровые особенности произведения, характеристики условно-фантастического хронотопа; модус комического; сопоставление с текстами Дж. Оруэлла и др.

«Текст отличается яркая предметность, чувственная достоверность изображаемого, которая является константой стиля Ф. Искандера: так, описание знамени над королевским Дворцом занимает целую страницу. Рассказчик подробно сообщает, как и из чего было сделано знамя, демонстрируя искандеровское «физическое обилие, необычайную телесность» текста, которая «выламывалась из страниц, как перегруженная плодами ветка» [Искандер, 1968, с. 55].

Соглашаясь с впечатлением о тексте философской сказки как о «перегруженной плодами ветке», зададимся вопросом о том, какими языковыми средствами и с помощью каких авторских приемов создается такой текст. Выясним, идет ли речь об авторском стиле, в целом характерном для произведений писателя, и / или об особом приеме создания текста-паутины, текста-ловушки, который максимально отразил бы замысел представить «модель агрессивного и инертного мира, выход из которого практически невозможен».

Задача настоящего исследования – выявление и описание языковой структуры текста философской сказки в соотношении с интенциями автора. Таким образом, исследование осуществляется в рамках интерпретацион-

ной лингвистики, коммуникативной лексикологии и концептуального анализа текста.

Автор произведения интерпретирует фантастическую ситуацию, выбирая для этого те или иные языковые средства (содержание, передаваемое языковыми формами, всегда выступает в той или иной языковой интерпретации), читатель же стремится проникнуть в авторский замысел, постичь его и познает содержание активно-деятельностно, т. е. интерпретирует текст.

Текст рассматривается как сложное речевое произведение, имеющее многослойную и многоуровневую организацию. Как системно-структурное образование он имеет собственные текстовые единицы, связанные определенными отношениями и в силу их неоднородности организующиеся в уровни [Новиков, 2007].

В анализе текстового слова и языковой организации текста мы опираемся на следующие положения коммуникативной лексикологии в исследовании речевых произведений: интегральная (коммуникативная) модель лексического значения (ЛЗ) слова; погашение / нейтрализация / выдвижение / актуализация / модификация компонентов ЛЗ, наведение текстовых смыслов («мерцающие семьи»); актуальный смысл слова; семантическая плотность текста; тематическая однородность лексики; морфемный, лексический, семантический и синтаксический повторы; семантическое и лексико-грамматическое согласование / рассогласование и их роль в текстовой организации; тематическая сетка текста: текстовый фрагмент имеет тематическую основу, т. е. определяется единством темы (Д. Н. Шмелев, И. В. Арнольд, И. А. Стернин, Н. А. Купина, Н. Е. Сулименко, В. Г. Гак).

Особой чертой языковой организации текста представляется кажущаяся лексическая и синтаксическая избыточность, изобилие повторов разных типов, которые как будто тормозят повествование, сообщают тексту особый однообразно-неспешный ритм, некое хождение по кругу, «вязкость», такое плетение словес, из которого, кажется, не вырваться ни персонажам, ни читателю. Однако попытка даже незначительно сократить текстовый фрагмент неизбежно ведет к существенной потере смысла.

Многочисленные повторы разных типов в их соотношении друг с другом – ведущая языковая черта текста.

Известно, что «повторение смысла – необходимое условие появления и существования текста» [Откупщикова, 1982], и это обеспечивает его связанность и целостность [Гальперин, 2007]. В тексте Ф. Искандера повторы явно нагружены многочисленными дополнительными функциями.

Текстовая структура философской сказки отличается разнообразием повторов, которые постоянно накладываются друг на друга, дублируя те или иные смыслы и создавая текст-паутину.

Рассмотрим повторы разных типов в их соотношении друг с другом.

Доминирующим является **лексический повтор**: неоднократное употребление слова в тексте часто приводит к приращению смысла. В таких случаях следует обратить внимание на «те новые смысловые и коннотативные компоненты, которыми оно “обрастает” по мере своего употребления» [Купина, 1983, с. 91]. Ср., например:

Поэтому он (поэт. – Т. Т.) решил, не теряя времени, разрабатывать **поэтические ритмы** своей будущей разоблачительной поэмы. Работа с **ритмами** без слов ему очень понравилась. С одной стороны, его гневные порывы не пропадали даром, а с другой стороны, смысл их оставался недоступным придворным шпионам. Он сочинял какой-нибудь **ритм** <...> и прятал в ящик, сокращенно надписав на **ритме** смысл его будущего предназначения, чтобы потом не забыть. Иногда он эти **ритмы** читал Королю, и Король всегда одобрял свежесть и наступательный порыв каждого нового **ритма**¹.

Весь же фрагмент, посвященный «разоблачительному творчеству» придворного поэта, содержит 14 повторов слова *ритм*, демонстрирующих деятельность кролика-творца. Повтор лексем и словосочетаний *ритм*, *поэтический ритм*, *ритм*, *выражавший ярость*, *ритмы без слов*, *ритм яростного разоблачения кроликов*, *ритм праведной ярости*, *яростный ритм* в соответствующем контексте передают семантику энергичных, яростных и ритмичных звуков, связанных с выражением некоторых эмоций кролика-поэта, особого шума, лишённого смысла. Иными словами, пространство, заполненное бесконечными повторами поэтических ритмов, остается содержательно пустым.

С лексическим конкурирует **семантический повтор**: слова, имеющие в своих лексических значениях общие семы (синонимы, антонимы, слова одной лексической группировки), выстраивают вертикальные и горизонтальные связи в лексической системе текста. Нередко в текстах представлены лексические парадигмы, объединенные общностью сем (семантиче-

¹ Здесь и далее текст сказки цит. по: «Юность», 1987, № 9, с. 21–62.

ских множителей), которые фиксируются в Русском семантическом словаре Ю. Н. Караулова². Ср.:

Великая мечта о Цветной Капусте помогала Королю держать племя кроликов в достаточно **гибкой покорности**; Так, маленькие **ракеты** личных **аплодисментов**, слившись, давали **могучую силу двигателю** общественного мнения кроликов.

Слова *гибкий* – 1. Легко сгибаемый; 3. Легко поддающийся изменениям (ТСО)³ и *покорность* – состояние послушания, подчинения во всем, несамостоятельности поведения и поступков (БТСК)⁴ семантически сочетаются по семе «легкость изменения под влиянием кого-, чего-либо».

Цепочки однокоренных слов представляют **корневой повтор**: из ряда различных повторов корневой повтор выделяется тем, что обнаруживает и актуализирует самое существенное в слове – его корень. Поэтому корневой повтор – это и средство анализа слова в системе его образно-понятийных связей, и средство познания вещей в процессе их названия [Зубова, 1989]. Ср.:

Между тем неправедное использование **ритма праведной ярости** вызвало в душе Поэта новый прилив еще более **яростного ритма**, и он, записав его, окончательно успокоился. Как обычно, для маскировки он сделал заголовок над записью **ритма**: «Повторная **ярость** по поводу...»

Грамматический же повтор рассматривают как 1) **морфологическую** соотношенность употребляемых в пределах сверхфразового единства словоформ. Сюда относят межфразовое согласование имен и соотношенность видовременных форм глаголов, повтор средств связи предложений в тексте; 2) **синтаксический повтор** – повтор синтаксических конструкций одной структуры или их частей. Ср.:

Интересно **отметить, что** каждый кролик, аплодируя, был **уверен, что** он лично аплодирует идее союза прекрасных продуктов питания с кроликами. Но при этом он **думал, что** другие аплодируют не только этому союзу, но и всей речи Короля. И поскольку все думали так и **все считали, что** при-

² Караулов Ю. Н., Молчанов В. И., Афанасьев В. А. и др. Русский семантический словарь. М.: Наука, 1983.

³ ТСО – Ожегов С. И. Словарь русского языка. 22-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1990.

⁴ БТСК – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008.

зняться в эгоистической узости своих аплодисментов по меньшей мере уродство <...>.

Р. О. Якобсон справедливо отмечает, что «...наши выводы должны строиться на том очевидном факте, что существо поэтической техники состоит в периодических возвратах, и это проявляется на каждом уровне языка». И далее: «Эти традиционные разновидности канонического параллелизма позволяют нам вникнуть в разнообразные взаимоотношения между аспектами языка и ответить на возникающий здесь вопрос: какие родственные грамматические или фонологические категории могут функционировать в рамках данной модели как эквивалентные? Можно предположить, что в языковом коде соответствующего речевого сообщества такие категории имеют общий знаменатель» [Якобсон, 1987, с. 99].

Все эти типы повторов часто используются одновременно, а внесенные ими смыслы находятся в отношении семантического согласования, увеличивая воздействующую силу текста. Их скопление представляется особым авторским приемом, а функциональная значимость повторов явно не исчерпывается организацией связанности и целостности текста.

Поставленная задача предполагает обращение в первую очередь к смысловым сгущениям в тексте.

Фрагменты, отличающиеся сгущением ключевых смыслов, прежде всего связаны с художественными концептами *ВЛАСТЬ*, *ПАТРИОТИЗМ* и *ДОНОСИТЕЛЬСТВО И ТВОРЧЕСТВО*, имеющими в текстовой парадигме особое преломление.

Рассмотрим текстовые фрагменты, в которых реализуются эти концепты как составные элементы авторской картины мира.

Держа в руках королевскую власть, Король кроликов с горечью убеждался, что **все силы уходят** на то, чтобы **эту власть удержать**. Для чего **власть**, думал **Король** иногда, **если все силы уходят** на то, чтобы **ее удержать?** <...> Он пришел к такому решению, что надо **увеличить королевскую охрану**, чтобы освободить **свое время и силы** для дел, ради которых он и **рвался к власти**.

И он увеличил королевскую охрану и почувствовал, что... становится легче: **часть сил, уходившая** на то, чтобы **удержать власть**, освободилась. Но <...> ему в голову пришла... мысль, что такая **сильная охрана** может сама попытаться **отнять у него власть**. Как же быть?

Если сейчас внезапно **уменьшить охрану**, решил **Король**, **злоумышленники** подумают, что наступил удобный случай для **захвата власти**. Поэтому он еще больше **увеличил охрану**, дав **новым охранникам** тайное за-

дание охранять **Короля** от **старой охраны**. <...>. Стало ясно, что **новая охрана**, имея такие широкие полномочия внутри **старой охраны**, будет слишком безнадзорной и потому опасной для **Короля**. Тогда он **старой охране** дал тайное указание следить за **новой охраной**. <...> Имея такую **огромную охрану**... надо было дать каждому **охраннику** какую-то ежедневную работу, иначе, развратившись от безотчетной **власти**, любой из них мог стать **злоумышленником**.

Проанализируем эффект «периодических возвратов» (Р. О. Якобсон). В текстовом фрагменте около 400 слов: 7 раз употребляется слово *король* (дважды *он*, *у него*; дважды *королевский*); 8 раз употребляется слово *власть*; 11 раз – *охрана* (старая, новая, королевская), дважды – слово *охранник*; дважды – *злоумышленник*; неоднократно повторяется и бессмысленная антитеза *увеличить / уменьшить охрану*, поскольку решения этой дилеммы нет (ср., например, в другом текстовом фрагменте из 102 слов 8 раз повторяются *аплодисменты / аплодировать* или 14 повторов в тексте из 212 слов сочетания *поэтические ритмы*).

Повторяющиеся лексемы включены в повторяющиеся синтаксические конструкции одной структуры или фрагменты этих структур: *Держа в руках королевскую власть // эту власть удержат // ее удержат; Надо увеличить королевскую охрану // И он увеличил королевскую охрану // он еще больше увеличил охрану; Но это еще больше запутало // Но это еще больше осложнило положение*.

Наблюдается повтор союзов, многочисленные анафоры и рамочные конструкции. Ср.: текстовый фрагмент (сложное синтаксическое целое) открывается лексемой *злоумышленники* и ею же завершается (*злоумышленники подумают – любой из них мог стать злоумышленником*).

Каков же эффект подобных лексико-синтаксических повторов?

Очевидно, таким образом осуществляется актуализация ключевых слов: многократное употребление слова в тексте и реализация его многообразных лексико-грамматических связей часто приводит к приращению / модификации смысла: *держа в руках королевскую **власть**, **власть** удержат, рвался к **власти**, отнять у него **власть**, захват **власти**, развратившись от безотчетной **власти*** и др.

В этих лексико-грамматических повторах репрезентированы все основные характеристики ментальной структуры *власть* в русской языковой картине мира: *власть* – вождельный объект, который надо захватывать, отнимать, завоевывать; который трудно удержать, его надо охранять изо всех сил; удержание власти, в которое вовлекается масса субъектов, стано-

вится единственной целью властителя; властью можно упиваться, обладание властью развращает человека; имеющий власть вершит расправу, возможность / невозможность взаимодействовать с властью и др.

Каждый новый повтор слова, организующий смысловую плотность данного текстового фрагмента, добавляет негативные смыслы: в текстовой парадигме и соответственно в представляемой ситуации (в королевстве кроликов) не остается пространства, не занятого властью. Автор, избегая прямых оценок, тем не менее выстраивает негативный аксиологический контекст, трактует ситуацию как абсурдную и комичную – таким образом осуществляется разоблачение властителя и власти, ради завоевания и удержания которой совершается множество бессмысленных движений. Отношение к власти и отношения с властью являются существенными факторами в характеристике персонажей философской сказки.

Следующим ключевым словом, организующим фрагмент тематической сетки текста, является слово *патриотизм* (находим в текстовом фрагменте шестикратное повторение словосочетания *патриотический гнев*, дважды *перепатриотичить* и *перегневить*, дважды *патриот* и *патриотизм*). Ср.:

В королевстве кроликов страшнее всего было оказаться **под огнем патриотического гнева**. По обычаям кроликов, патриотический гнев следовало всегда и везде поощрять. Каждый кролик в королевстве кроликов в момент проявления патриотического гнева мгновенно становится **рангом выше того кролика**, против которого был направлен его патриотический гнев. Против патриотического гнева было только одно оружие – **перепатриотичить** и **перегневить патриота**. Но... для этого нужен разгон, а разогнаться и **перепатриотичить кролика**, который вплотную подступил к тебе со своим патриотическим гневом, почти невозможно. В силу вышеизложенных причин начальники **доносящих кроликов** не решались требовать доказательств, когда речь шла об измене Королю **того или иного кролика**.

Рассмотрим семантико-прагматические наращения в этом случае лексических, словообразовательных (корневых) и синтаксических повторов.

Концепт *ПАТРИОТИЗМ* репрезентирован в русской языковой картине мира одноименной лексемой со значением «преданность, любовь к своему отечеству и к своему народу». Этот простой смысл обрастает разного рода аксиологическими, социальными, культурно-историческими коннотациями, продиктованными временем.

Лексема является многовалентной, имплицитно представляющей целую ситуацию: чей патриотизм (мой, наш), какой (искренний / напускной),

внутреннее качество человека, патриотизм должен наличествовать (по принятым нормам) и проявляться определенным образом, патриотизм – это любовь к кому / чему, преданность кому / чему и пр. Кроме того, концептуальное содержание «патриотизм» погружено в неоднозначный аксиологический контекст: что именно представляется патриотичным жителям области / страны / государства и что есть патриотизм для властей предрержащих.

В текстовом фрагменте все указанные повторы очевидным образом нейтрализуют важную часть этой семантики – идет формирование новой ментальной структуры: ни о какой заботе о родине кроликов речь не идет, о любви к ближнему тоже ни слова, вместо любви, радения, стремления содействовать родине и людям – патриотический гнев, цель которого *перепатриотичить и перегневить* другого.

Ключевое слово, репрезентирующее концепт, наполняется другим смыслом, что влечет актуализацию иных лексико-семантических валентностей: *патриотический гнев (страшный гнев, под огнем патриотического гнева) против кого?* Патриот в королевстве кроликов действует как будто против врагов, а враги, оказывается, не удавы, которые едят кроликов, «враги» сами кролики. Кроме того, в королевстве кроликов за такое проявление патриотизма хорошо вознаграждают, по Ф. Искандеру: *И за это патриот становится рангом выше того кролика, против которого был направлен его патриотический гнев.*

Еще одной ключевой лексемой в лексической структуре текста является слово *донос*. Ср.:

Не давая никаких реальных примет враждебности, он вынуждает кролика, следящего за ним, рано или поздно **приписывать** ему какую-нибудь **подлость**. И при этом **немалую подлость**. Но почему **немалую**? Так устроена психология кроликов. Не **приписывать** же кролику, на которого **надо донести**, что он скрыл от королевского склада лишнюю морковку. <...> Чтобы оправдать перед собой **подлость доноса**, **доносящий кролик** выдуманное злодейство делает достаточно значительным, и это ему самому помогает **приписать** чувство собственного достоинства. Одно дело, **когда кролик приписал другому кролику заговор против Короля**, и совсем другое дело, **когда он приписал ему лишнюю морковку, не сданную в королевский склад**.

Психология кроликов так забавно устроена, что **доносящему кролику** проще доказать, что **невинный кролик устроил заговор против Короля**, чем доказать, что **тот же невинный кролик подворовывает на складе королевскую морковку**. <...>

Прежде чем приступить к анализу языковых повторов, в системе которых реализуется художественный концепт *ДОНОС*, рассмотрим одноименную ментальную структуру в русской языковой картине мира, детально и разнообразно представленную соответствующим семантическим полем:

донос, сигнал, кляуза, стук, ябеда, оговор, поклеп, наговор, жалоба, клевета, козни, диффамация, измена, подсиживание, пасквиль и др.;

доносить, информировать, сигнализировать, строчить, стучать, капать, фискалить, шпионить, ябедничать, кляузничать, слить / сливать и др.;

доносчик, наушник, стукач, сексот, информатор, осведомитель, оговорщик, наговорщик, поклепщик и др.;

доносительство, наушничество, стукачество, фискальство и др.

Напомним, что «узаконил» донос как государево дело Петр I: ...о том, кто на него донесет, и то недвижимое, которое в перепродаже явится, отдать тому *доносителю* (Указ Петра, 1714); *Фискалы доносят безо всякой боязни и получают награждение. Если фискал на кого и не докажет всего, то ему в вину не ставить, ибо невозможно обо всем том аккуратно ведать* (Указ Петра, 1714 г.).

Специальное исследование позволяет выявить следующие составляющие речевого жанра доноса: сообщение содержит информацию, которая может повлечь наказание того человека, на которого доносят; это **тайное** сообщение (объект доноса и окружающие не должны знать об авторе доноса); данное речевое действие **компрометирует доносчика**; адресат доноса относится к представителям власти (социально более высокая позиция, чем у автора доноса) и может осуществлять репрессивные действия; **неопределенность / несущественность** характеристики сообщения по параметру правда / ложь; причина доноса; негативное / терпимое (в зависимости от того, какое время у нас на дворе) отношение к доносительству [Трипольская, 2017].

Ф. Искандер отказывается от богатой лексической парадигмы, выбирая в качестве ведущего языкового средства корневой повтор: *доносящий кролик (не доносчик!)* (7), *донести* (4), *подлость доноса* (2). Смысловое сгущение, организованное корневыми и синтаксическими повторами, предьявляет особый авторский взгляд на природу доноса. Так, в коммуникативном поле текста происходит переосмысление ментального сценария, которое репрезентировано путем смысловых выдвиганий, актуализации

и нейтрализации значений лексических единиц семантического поля «донос».

Во-первых, в тексте предъявлен субъект доноса, обычно уведенный в тень, правда, это не конкретный, а обобщенный образ: *доносящий кролик* (не негативно оценочное слово *доносчик*, которое доминирует в языке). Причастная форма обозначает признак лица по его действию: любой кролик, который привычно доносит здесь, сейчас и всегда.

Многократный повтор словосочетания *доносящий кролик* делает донос повсеместным в королевстве кроликов.

Во-вторых, представлены обстоятельства доносов кроликов: существенным становится ложность и безнаказанность доноса: *Одно дело, когда кролик приписал другому кролику заговор против Короля...* Шестикратный повтор глагола *приписать* очевидным образом актуализирует семантику лжи. Ср.: *приписка* – «заведомо... ложные показатели об успехах производства, о выполнении плана» (ТСО). Напомним положение из Петровского указа: *Если фискал на кого и не докажет всего, то ему в вину не ставить, ибо невозможно обо всем том аккуратно ведать.*

Иными словами, ложный донос не смущает ни доносящего кролика, ни адресата доноса, ни свидетелей, ожидающих доноса или готовящих донос на другого кролика, – «такова психология кроликов». Донос востребован, он есть способ отвлечения внимания от себя, и, можно предположить, что в ряде случаев доставляет особое удовольствие *доносящему кролику*.

В-третьих, для доносящих кроликов сформулированы рекомендации, о чем и как надо доносить (государственное, даже рутинное дело): *Не приписывать же кролику, на которого надо донести, что он скрыл от королевского склада лишнюю морковку...*

В-четвертых, донос адресован лицу, уполномоченному вершить судьбу кроликов: *И стоит ли удивляться, что доносящий кролик, услышав от начальника требование доказательств измены того или иного кролика, мог воскликнуть в порыве патриотического гнева...*

В-пятых, актуализируется семантика тотального распространения доноса, которая создается благодаря тому, что значительная часть текста насыщена лексическими и словообразовательными повторами с «доносительной» семантикой.

И наконец, действие рассматривается как реальный и виртуальный сценарии, которые оказываются каузально и неотвратимо связанными:

Уползая от Косого, юный удав в самом деле еще не знал, что **выгоднее: донести или не донести**. <...> тот, кто раздумывает над вопросом, **донести или не донести**, в конце концов обязательно **донесет**, потому что всякая мысль стремится к завершению заложенных в ней возможностей.

Основные художественные концепты связаны между собой (образ государства кроликов) и погружены в эмоционально-оценочный контекст. Аксиологические значения, как мы уже отмечали, представлены особым образом: лишь однажды употреблено слово *подлость* (*подлость доноса*), во всех прочих случаях (ср.: *патриотический гнев*, *безграничная власть*) оценка эксплицитно не выражена. Именно повтор можно рассматривать как способ вербализации косвенной (подтекстовой) оценки. Ср., например: корневой повтор (*доносящий кролик*, *доносящему кролику* (шестикратный повтор), *донос*, *донести*; *патриотический гнев* (6 раз), *перепатриотичить* (3 раза)), лексический повтор (*приписать / приписывать*); семантический повтор (*повторная ярость*, *яростный ритм* (13 повторов), *гневные порывы*, *яростное разоблачение*, *наступательный порыв*, *разоблачительная поэма*) актуализируют сквозной смысл «ложь, причем все знают, что это ложь, но это некий коллективный договор», т. е. такова «психология кроликов».

Иными словами, текст практически не содержит оценочных слов, но их функцию выполняют повторы разных типов: многократное повторение одних и тех же слов ведет к актуализации зачастую имплицитного оценочного содержания, которое считывает адресат.

Рассмотренные выше лексические и корневые повторы включаются в более крупные текстовые единицы – предложения и сверхфразовые единства, которые характеризуются синтаксическими повторами.

Текст насыщен однотипными придаточными: **чтобы** *эту власть удержать*; **чтобы** *ее удержать*; *часть сил, уходящая на то, чтобы удержать власть*); **Хотя** *он не был косой, а был только одноглазый... хотя он был именно одноглазый, а не косой*; обособленными определениями и обстоятельствами (деепричастными оборотами, обозначающими добавочные действия), фрагментами сложных предложений со сходным лексическим наполнением:

Великий Питон нарочно перевел оскорбительное слово во множественное число, чтобы оно, **относясь ко многим удавам**, к нему лично, Великому Питону, **относилось в виде такой дроби**, где **оскорбление** как бы делилось на общее количество присутствующих удавов.

В результате благодаря насыщенности глагольными формами должно создаваться впечатление событийной плотности, но она отсутствует в большинстве случаев, зато наблюдается плотность текста-паутины, созданная разнообразными повторами.

Отметим, что вертикальные связи осуществляются с помощью лексических, семантических и словообразовательных повторов; лексико-синтаксический повтор обеспечивает и вертикальные и горизонтальные связи:

Не давая никаких реальных примет враждебности, он вынуждает кролика, следящего за ним, рано или поздно **приписывать** ему какую-нибудь **подлость**. И при этом **немалую подлость**. Но почему **немалую**?

Следующий парадокс языковой организации текста связан с многократными повторами модусных элементов. В первую очередь это модусные элементы, вводящие разные позиции говорящих в структуре нарратива. Они зачастую создают такую игровую ситуацию, когда формально представлены две стороны, две точки зрения, а на деле существенных отличий между заявленными позициями не наблюдается, и поиск истины упирается в необъяснимую «психологию кроликов». Ср.:

Такую точку зрения неоднократно высказывал сам Великий Питон, и обезьяны, **с одной стороны**, заинтересованные в том, чтобы их считали невкусными, **с другой стороны**, болезненно воспринимали всякий намек на свою неполноценность;

С одной стороны, он, самопожираясь, уничтожается, **с другой стороны**, он, питаясь самим собой, продлевает свои муки;

С одной стороны, его гневные порывы не пропадали даром, **а с другой стороны**, смысл их оставался недоступным придворным шпионам.

Настаивая на подобной «борьбе разных позиций», Ф. Искандер пародирует известный пропагандистский прием: вбросить как будто разные точки зрения, чтобы запутать и увести от практически очевидного для читателя вывода.

Автор завершает повествование, представляющее философскую сказку о королевстве кроликов и удавов, описанием ожидаемой читательской реакции:

Так и в этой истории с кроликами я предпочитаю слушателя несколько помрачневшего. Мне кажется, для кроликов от него можно ожидать гораздо больше пользы, если им вообще может что-нибудь помочь.

Подведем итоги. В тексте реализован особый прием создания текста-паутины, который максимально отразил авторский замысел представить модель особого мира кроликов и удавов, выход из которого практически невозможен. Автором явлен язык вязкий и гипнотический (роль феномена гипноза в этом тексте еще ждет своего исследователя).

С помощью лексико-синтаксических повторов представлены особые художественные концепты, существенно отличающиеся от привычных представлений наивной картины мира: в бесконечных лексических, семантических и корневых повторах (*власть, патриотизм, донос, творческие ритмы*), в которых происходит наращение новых смыслов у ключевых лексем, осуществляется разоблачение и осмеяние обитателей фантастического королевства. При этом Ф. Искандер напрямую не сообщает читателю как всеведущий автор, что хорошо или плохо в королевстве кроликов и удавов, однако с помощью бесконечных повторов компрометируется и обесценивается слово и стоящее за ним понятие и событие.

Удивительная избыточность текста, то «физическое обилие или необыкновенная телесность текста», через которую приходится пробиваться читателю, оказывается необходимым языковым минимумом, способным передать авторский замысел. Языковые повторы разных типов организуют текст, отражающий безвыходную, тупиковую ситуацию.

Создание ложных антитез, начиная с названия «Кролики и удавы», когда нет лежащего на поверхности противопоставления пожирателей и жертв, активно используется в тексте: *старая / новая охрана, увеличения / уменьшения усилий, увеличение / уменьшение охраны, с одной стороны / с другой стороны* и пр. Отсутствие противоположных позиций, бессмысленность как будто разнонаправленных действий, отсутствие какого-либо внутреннего движения делает текст практически герметично закрытым.

Список литературы

Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л., 1984. С. 3–11.

Выгон Н. С. Энергия мифа: философская сказка Ф. Искандера «Кролики и удавы» // Наука и школа. 2012. № 6. С. 76–79.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.

Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. 262 с.

Искандер Ф. Идеи и приемы. Пластичность прозы: Встреча за «круглым столом» // Вопросы литературы. 1968. № 9. С. 51–58.

Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. 160 с.

Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. 224 с.

Откупщикова М. И. Синтаксис связного текста. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 104 с.

Трипольская Т. А. ДОНОС как сквозной речевой жанр в коммуникативном поле романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Языковая личность: Аспекты изучения. Памяти чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова. М.: МАКС-ПРЕСС, 2017. С. 308–321.

Якобсон Р. О. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 99–132.

References

Arnold I. V. Leksiko-semanticheskoe pole v yazyke i tematicheskaya setka teksta [Lexical-semantic field in language and thematic grid of text]. In: Tekst kak obekt kompleksnogo analiza v vuze [Text as an object of complex analysis in higher education]. Leningrad, 1984, pp. 3–11. (in Russ.)

Galperin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 144 p. (in Russ.)

Iskander F. Idei i priemy. Plastichnost' prozy: Vstrecha za "kruglym stolom" [Ideas and techniques. Plasticity of prose: Round table meeting]. *Voprosy literatury*, 1968, no. 9, pp. 51–58. (in Russ.)

Jakobson R. O. Grammaticheskii parallelizm i ego russkie aspekty [Grammatical parallelism and its Russian aspects]. In: Lakobson R. O. Raboty po poetike [Works on poetics]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 99–132. (in Russ.)

Kupina N. A. Smysl khudozhestvennogo teksta i aspekty lingvo-smyslovogo analiza [The meaning of a artistic text and aspects of linguosemantic analysis]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Uni. Press, 1983, 160 p. (in Russ.)

Novikov A. I. *Tekst i ego smyslovye dominanty* [Text and its semantic dominants]. Eds. N. V. Vasileva, N. M. Nesterova, N. P. Peshkova. Moscow, Institute of Linguistic RAS Publ., 2007, 224 p. (in Russ.)

Otkupshchikova M. I. *Sintaksis svyaznogo teksta* [Syntax of connected text]. Leningrad, Leningrad State Uni. Press, 1982, 104 p. (in Russ.)

Tripolskaya T. A. DONOS kak skvoznoi rechevoi zhanr v kommunikativnom pole romana V. Grossmana “Zhizn' i sud'ba” [Denunciation as a cross-cutting speech genre in the communicative aspect of the novel “Life and Fate” by V. Grossman]. In: *Yazykovaya lichnost': Aspekty izucheniya* [Linguistic identity: Aspects of Study]. In memory of Yu. N. Karaulov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Moscow, MAKSPRESS, 2017, pp. 308–321. (in Russ.)

Vygon N. S. *Energiya mifa: filosofskaya skazka F. Iskandera “Kroliki i udavy”* [The Energy of Myth: F. Iskander’s philosophical tale “Rabbits and Boas”]. *Nauka i shkola*, 2012, no. 6, pp. 76–79. (in Russ.)

Zubova L. V. *Poeziya Mariny Tsvetaevoi. Lingvisticheskiy aspekt* [Poetry of Marina Tsvetaeva. Linguistic aspect]. Leningrad, Leningrad State Uni. Press, 1989, 262 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Александровна Трипольская, доктор филологических наук, профессор

WoS Researcher ID B-8009-2016

Information about the Author

Tatiana A. Tripolskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor

WoS Researcher ID B-8009-2016

Статья поступила в редакцию 01.02.2024;

одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 10.03.2024

The article was submitted on 01.02.2024;

approved after reviewing on 10.03.2024; accepted for publication on 10.03.2024